

ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ВЛАСТИ: ДИСТРИБУТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Я. Ю. Старцев^а

^а Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук
(Екатеринбург, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. Ценностные установки государственной власти и должностных лиц играют существенную роль как в формировании государственной политики, так и в её легитимации. Цель статьи — проанализировать ценностные установки президентской власти в России в том виде, в каком они содержатся в публичных высказываниях Президента РФ.

Материалы и методы. Исследование опирается на корпус выступлений Президента РФ в период с 2000 по 2020 гг., опубликованных на официальном президентском сайте. На основании корпуса сформирована векторная дистрибутивно-семантическая модель, которая позволяет провести комплексный анализ различных аспектов президентского публичного дискурса, включая его ценностную структуру. Для этого разработан базовый ценностный тезаурус, охватывающий четыре группы ценностей: «народные», идеологические, христианские и конsumerистские. Каждый тезаурус расширен за счёт ближайших ассоциатов, выявленных общедоступными векторными моделями русскоязычных корпусов. Последующая кластеризация позволяет сформировать структуру ценностных представлений на основе частотности коллокаций ассоциатов первого, второго и третьего порядка. Применение тех же процедур к находящейся в открытом доступе векторной модели, основанной на Национальном корпусе русского языка, позволяет сравнить особенности президентского дискурса с общерусским ценностно-семантическим пространством.

Результаты. Проведённый анализ позволил выявить 13 ценностно-семантических кластеров, структурирующих президентский дискурс, формирующих консервативное милитаризованное и религиозно ориентированное ядро, в значительной степени фокусирующееся на антиценностях несчастий и угроз, и изолированные кластеры, связанные с прогрессистскими и модернизационными ценностями, а также ценностями сотрудничества — преимущественно в отношении зарубежных партнёров.

Обсуждение. Сравнение ценностно-семантической структуры президентского дискурса с данными модели, основанной на Национальном корпусе русского языка, позволяет сделать выводы о существенном сходстве и даже общности части ценностно-семантических кластеров (традиционализм, христианская религиозность, фокусирование на несчастьях и угрозах), а также и о заметных различиях, в первую очередь — в отношении эмоционального наполнения ценностей, содержательной глубины и ценностными дихотомиями ума/глупости и правды/лжи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: президентская власть, ценности, аксиология, президент Российской Федерации, дистрибутивная семантика, политические ценности, политический дискурс.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Старцев Я. Ю. Ценностные установки президентской власти: дистрибутивно-семантический анализ // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 4. С. 5-18. EDN JGHRAS. DOI 10.22394/2304-3369-2023-4-5-18.

■ ВВЕДЕНИЕ

Ценностный анализ позиций, установок и действий органов государственной власти представляется исследовательской проблемой с устойчивой актуальностью. С одной стороны, именно ценностные основания придают действиям органов власти смысл, выходящий за рамки утилитарной результативности и связанный с терминальными ценностями [1]; с другой стороны, именно ценностное обоснование играет ключевую роль в легитимации деятельности органов государственной власти и должностных лиц [2]. В то же время применительно к политическим процессам в современной России эта проблематика приобретает дополнительные измерения. Правовое закрепление «традиционных ценностей»¹, вплоть до указания на ценностные основания государственной политики в Конституции РФ [3], даёт дополнительные основания для обновления и систематизации наших представлений о структуре ценностной системы российского общества, прежде всего, в контексте политической жизни и государственной политики.

В то же время большая часть исследований, посвящённых этой проблематике, либо опирается на некоторый априорный перечень ценностей, не уточняя эмпирические основания их выявления, либо ориентируется на единство ценностной системы, чаще всего также постулируемое априорно. На наш взгляд, анализ этой проблемы может существенно выиграть как от прояснения того, каковы источники концептуализации ценностей, так и от использования методологии количественного анализа, повышающей уровень доказательности и проверяемости основных выводов.

Ценности, определяющие государственную политику, в той или иной степени локализованы в рамках политической системы. В современной российской политической системе ключевыми полномочиями по формированию государственной политики обладает Президент РФ²; следовательно, именно анализ ценностных установок президентской власти представляется

наиболее интересным и эвристически перспективным. Использование методов векторного анализа для выявления ценностной структуры регулярно проводится на общезыковом материале в рамках лингвистических исследований [4], однако сравнительно редко становится инструментарием политологических изысканий.

Целью статьи является выявление ценностных установок российской президентской власти методами дистрибутивной семантики на основе корпуса публичных выступлений президентов РФ 2000–2020 гг. Такое выявление и последующая систематизация предполагают в качестве промежуточной задачи сопоставление структуры декларируемых президентских ценностей с устойчивыми характеристиками ценностной структуры российского общественного сознания, определяемых с помощью той же методологии, применённой к общезыковому корпусу.

■ МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Классификация значимых человеческих ценностей представляет собой давнюю исследовательскую задачу; в большинстве случаев оказывается, что исследователи, скорее, склонны формировать классификационные модели *ad hoc*, чем выстраивать универсальный консенсусный подход к этой проблеме [5]. Наиболее распространённые подходы к формированию универсального списка ключевых ценностей, ориентированного на прикладные исследования, – будь то в рамках психологии³ или политологии [6], – эмпирически обоснованы, даже приобрели статус классических, но ориентированы преимущественно на ценности индивида. В контексте политологического исследования нам представляется необходимой разработка ценностного классификатора, который в большей степени учитывал как коллективный характер многих ценностей, так и их разнообразие, в т. ч. несводимое разнообразие, связанное с разными основаниями для классификации.

Первый методологический шаг, таким образом, заключался в разработке перечня ключевых ценностей, на основе которого можно было бы составить соответствующие им тезаурусы. Мы выделили четыре группы ценностей, которые могли бы претендовать на широкое распространение и в то же время обладают специфи-

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022). Ст. 80.

³ Рокич М. Природа человеческих ценностей. Санкт-Петербург : Росноу, 2004. 276 с.

ческим вокабуляром: народные ценности, христианские ценности, идеологические ценности и ценности постмодерна.

По данным «Аксиологического фразеологического словаря русского языка», народные ценности представляют собой ключевые аксиологические установки и оценки, содержащиеся во фразеологии русского языка⁴. «Это витальные ценности и антиценности (аксиологемы *жизнь* и *смерть*; *здоровье* и *болезнь*); священная ценность и её антиценность (аксиологемы *родина* и *чужбина*); гедонистические ценности и антиценности (аксиологемы *счастье* и *несчастье*); социально-утилитарные ценности и антиценности (аксиологемы *труд* и *безработица/лень/отдых*); материально-утилитарные ценности и антиценности (аксиологемы *богатство* и *бедность*); интеллектуально-познавательные ценности и антиценности (аксиологемы *ум* и *глупость*); нравственно-этические ценности и антиценности (аксиологемы *правда* и *ложь*); эмоционально-утилитарные ценности и антиценности (аксиологемы *смех* и *плач*)» [7, с. 131]. Придерживаясь того же бинарного подхода «ценность/антиценность», мы дополнили этот перечень некоторыми семантическими парами, также широко представленными в русской фразеологии (*любовь/ненависть*, *победа/поражение*). Кроме того, каждый из элементов ценностных антиномий был представлен в разных частеречных формах для нейтрализации склонности некоторых векторных моделей подбирать при поиске преимущественно слова, относящиеся к одной части речи. Итоговый список на этом этапе содержал такие лексемы, как *счастье*, *счастливый*, *любовь*, *любить*, *богатство*, *богатый*, *богатеть* и т. д.

Христианские ценности в целях нашего анализа представляют собой простой перечень семи главных добродетелей (лат. *septem virtutes principales*) и семи главных («смертных») грехов (лат. *septem peccata capitalia*). Список был дополнен за счёт тех грехов и добродетелей, которые различны в православной и католической традициях, а также ценностей, содержащихся в десяти заповедях Моисеевых. Как и в случае с народными ценностями, соответствующие концепты были по возможности представлены в разных частеречных формах.

Идеологические ценности формировались на основе схемы идеологических антиномий Модерна, представленной в [8]: каждому элементу антиномических пар были сопоставлены ключевые ценности, идентифицирующие данную идеологическую позицию.

Наконец, сформированные таким образом внутренне связанные блоки ценностей были дополнены набором ценностей, которые большинство исследователей связывают с постмодерном [9] (в частности – с конsumerистскими установками [10]) и которые не тематизируются и не проблематизируются в должной мере в классических ценностных системах, будь то народно-фольклорная, христианская или идеологическая система. Речь идёт о таких ценностных категориях, как безопасность, комфорт, приятность, (индивидуальное) саморазвитие, доступность, выбор, удобство и их антитезах. Итогом этого этапа стали четыре списка лексем, маркирующих соответствующие им ценности, 12–20 лексем в каждом.

Каждый из четырёх базовых тезаурусов был затем пропущен через дистрибутивно-семантические модели с целью поиска наиболее близких по значению ассоциатов (для поиска использовался программный пакет *Gensim* [11], порог контекстной близости значений для всех списков 0,6). Результатом стали расширенные тезаурусы, учитывающие разнообразие словоупотребления и обогатившие базовые тезаурусы синонимами, антонимами и контекстными ассоциатами, отражающими современные дискурсивные практики.

Для формирования базовой (референтной) семантической модели ценностей использовались шесть дистрибутивно-семантических моделей современного русского словоупотребления, представленные в рамках проекта *RusVectōrēs* [12] и основанные, соответственно, на Национальном корпусе русского языка⁵ (далее – НКРЯ), корпусе «Тайга»⁶, объединении НКРЯ и русскоязычной Википедии. Используемые модели различаются как составом исходных корпусов («Тайга» и НКРЯ в значительной степени литературоцентричны, в НКРЯ присутствуют тексты XIX–XX вв., а привлечение мате-

⁵ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.

⁶ Shavrina, T., & Shapovalova, O. (2017). To the methodology of corpus construction for machine learning: “Taiga” syntax tree corpus and parser. In *Corpora2017*.

⁴ Байрамова Л. К. Аксиологический фразеологический словарь русского языка : словарь ценностей и антиценностей. Казань : Центр инновационных технологий, 2011. 359 с.

риалов из Википедии сдвигает содержание корпуса в сторону энциклопедичности), так и алгоритмами создания моделей (алгоритмы *Continuous Bag-of-Words* либо *Continuous Skipgram* с различными настройками для разных моделей)⁷. Сочетание моделей, основанных на разных корпусах, должно дать максимальный охват современного русского ценностно-семантического пространства. Итогом этого шага стали четыре расширенных ценностных тезауруса, насчитывающих до полутора сотен лексем каждый и основанных на русскоязычных корпусах, послуживших эмпирическим материалом для моделей *RusVectōrēs*.

Следующий этап исследования предполагал анализ распределения ассоциатов к лексемам из тематических ценностных тезаурусов в публичном дискурсе Президента РФ. С этой целью нами был сформирован корпус публичных высказываний Президента РФ в период с 2000 по 2020 гг. (выступления на мероприятиях, официальные заявления, статьи в прессе, послания к Федеральному собранию и т. д. – всего более 45 млн словоупотреблений)⁸. На этом материале с помощью программного пакета *Gensim* нами была построена векторная модель президентского дискурса ($m = 10$, $x = 100$, $w = 15$, *Continuous Skipgram*, словарь 49 918). Модель была выбрана из множества экспериментально сгенерированных моделей на основе стандартных тестов *RuLex* и *ru_simlex965*.

Все тезаурусы были последовательно пропущены через векторную модель корпуса президентских выступлений с целью поиска наиболее близких ассоциатов и связей между ними. Используя глубину погружения в ассоциативные цепочки — 3, т. е., на каждый найденный ассоциат искали ассоциаты к нему, затем к найденным применялась та же процедура. Для ограничения перечня найденных лексем лишь наиболее значимыми во всех случаях использовался двойной фильтр: во-первых, учитывались только ассоциаты, имеющие косинусный показатель близости не менее 0.6⁹, во-вторых,

учитывались лишь лексемы, входящие в первую треть выстроенного по частотности вокабуляра векторной модели, т. е. относящиеся к самой частотной трети всего её словарного запаса. Поскольку сформированные таким образом цепочки ассоциатов образовали слишком масштабный для качественной интерпретации граф (более тысячи узлов), получившиеся семантические кластеры были сжаты с использованием ещё одного дополнительного фильтра: учитывались лишь ассоциаты, имеющие в рамках графа не менее пяти связей с другими элементами либо встречающиеся в ассоциативных цепочках не менее пяти раз. Этот фильтр позволил отсеять некоторые шумы (например, имена собственные); на этом же этапе была проведена ручная фильтрация, отсеявшая втянутые по ассоциативной цепочке специальные термины («муниципальное образование»), коллоквиальные обороты («рад приветствовать») и прошедшие предыдущие фильтры служебные части речи. Кластеризация проводилась средствами *Graphviz* [13]. Результатом этого шага стал набор графов, характеризующих ценностную структуру президентского дискурса: лексем-маркеры были распределены по соответствующим контекстам их упоминания кластерам, с учётом коллокационной близости.

Вместе с тем характеристика единичного феномена, каким здесь предстаёт президентский дискурс, малоинформативна если не сопровождается сравнением. Возможности диахронического анализа выступлений Президента РФ за разные годы, подобно проводившимся нами ранее исследованиям логики посланий Федеральному собранию [14], затруднены несколькими соображениями. Во-первых, объём соответствующих текстовых корпусов слишком велик для того, чтобы обеспечить единство методологии: достоверные векторные модели требуют корпусов значительно большего размера, чем совокупность выступлений Президента РФ за любой произвольно взятый год¹⁰. Во-вторых, сравнения внутри монологического корпуса не дают оснований для ответа на вопрос о том, как президентская ценностная система соотносится с ценностями общества в целом либо каких-то его частей, а этот вопрос пред-

⁷ *RusVectōrēs*: семантические модели для русского языка. URL: <https://rusvectors.org>.

⁸ На основании транскриптов выступлений и полнотекстовых публикаций, представленных на официальном сайте Президента России (<http://kremlin.ru>).

⁹ Для сравнения: в рамках той же модели строки «президент» и «глава государства» имеют показатель близости 0,77, лексемы «мама» и «мать» – 0,75, строки «Россия» и «Российская Федерация» – 0,73.

¹⁰ Shavrina, T. (2018). Differential approach to web-corpus construction. In *Komp'juternaja Lingvistika i Intellektual'nye Tehnologii*. <https://elibrary.ru/ybgvvp>.

Таблица 1 — Модели, использованные для анализа ценностных вариаций**Table 1** — Models used to analyze value variations

Корпус	Структура	Даты (охватываемый период)	Объём (кол-во словоупотреблений)	Модель	Авторство модели	Дата создания модели
НКРЯ	46% – художественная литература, 54% – периодика, мемуары, устная речь, документы	55 % XX в., 20 % XIX в., 23 % XXI в.	≈ 250 млн	m10x300w10, Continuous Skipgram, словарь 184 973	RusVectōrēs (ВШЭ и Университет Осло)	2017
Президентский корпус	Публичные выступления Президента РФ (транскрипты)	2000–2020	≈ 45 млн	m10x100w15, Continuous Skipgram, словарь 49 918	Я. Ю. Старцев	2020

ставляется принципиальным с точки зрения позиционирования президентского дискурса в современном информационном и ценностном пространстве. Наконец, относительная новизна используемого подхода требует прояснения того, в какой мере выявленная структура ценностей определена спецификой объекта исследования, а в какой связана с особенностями методологии.

Для такого сравнения необходим как минимум один референтный корпус, который можно было бы использовать в качестве точки отсчёта, поскольку сопоставление президентского дискурса с любым произвольно взятым текстовым массивом мало поможет в его позиционировании: нам необходимо либо начало координат, либо большое количество корпусов, позволяющих выстроить систему координат. Исходя из этих соображений в качестве референтной использована модель, разработанная в рамках проекта *RusVectōrēs* и основанная на Национальном корпусе русского языка (*ruscorpora_upos_skipgram_300_10_2017*)¹¹, как наиболее сбалансированная с точки зрения состава исходного корпуса и отражающая устойчивые пласты языка и ценностные предпочтения.

Словарный список модели, основанной на НКРЯ, включает 184 973 вхождений, тогда как в модели президентского дискурса их всего 49 918. Такое различие естественным образом предполагает, что ценностно-семантическая карта НКРЯ будет более обширной и разнообразной, чем в случае с корпусом президентских выступлений, в частности, потому что частотный фильтр в первом случае будет учитывать около 60 000 лемм, а во втором – только около 16 000. Следовательно, сравнение масштаба и степени разнообразия

результатов представляется малоосмысленным. Напротив, если мы рассматриваем президентский дискурс как своеобразную выборку из общерусского ценностно-семантического пространства, структура и направленность этой выборки представляет самостоятельный интерес и может быть изучена с использованием предложенных методов. Результатом этого шага стала ценностно-семантическая модель российского общественного сознания в том виде, в котором оно представлено в НКРЯ.

Основные характеристики использованных векторных моделей представлены в таблице 1.

■ ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Результатом проведённых операций стала семантическая карта президентского дискурса, отражающая, на наш взгляд, его ценностную структуру. Отображение разработанных на первом этапе расширенных ценностных тезаурусов на семантическое пространство президентского дискурса формирует 13 связанных друг с другом крупных ценностных кластеров и некоторое количество более мелких. Каждый кластер формируется перекрёстно связанными ассоциатами, относящимися к одному или нескольким ценностным тезаурусам либо являющимися ассоциатами первого или второго порядка по отношению к элементам этих тезаурусов (рис. 1).

Первый кластер (№ 1 на рисунке 1) организован вокруг таких ценностей, как *мужество, доблесть, стойкость, профессионализм, сила духа*, и отражает традиционную милитаризованную трактовку социально одобряемых установок и поведенческих качеств, преимущественно маскулинных. В этом же кластере оказываются связанные с остальными элементами через уважение и ценности религиозные когнаты: *религия, церковь, духовный, патриарх* и т. д.

¹¹ https://rusvectors.org/static/models/ruscorpora_upos_skipgram_300_10_2017.bin.gz

Кластер 1 тесно связан с соседними: *доблесть, мужество и героизм* сцепляют его с историко-патриотическим кластером 2 (*подвиг, Родина, Великая Победа, советский народ, гордость, вера, традиция* и т. д.). Через *ценности и духовность* традиционно-маскулинный кластер 1 связан с историко-культурным кластером 5 (*идентичность, культура, Пушкин, Достоевский, музыка, русский* и пр.), а через *религиозность и дух* – с кластером угроз 9 (*терроризм, ксенофобия, нетерпимость, противоракетная оборона, американские партнёры* и т. д.). Наконец, через небольшой промежуточный кластер, сближающий *братство с дружбой и добрососедством*, кластер 1 соединяется с внешнеполитическим и внешнеэкономическим кластером 6 (*взаимное доверие, сотрудничество, совместная работа, взаимопонимание, деловые связи* и пр.).

В свою очередь историко-патриотический кластер связан многими отношениями с позитивно-оценочным кластером 4 (*нравится, замечательный, великопленный, здорово* и пр.) и с особым кластером 12, объединяющим реалии Второй мировой войны (*нацизм, фашизм, мировая война*), а через понятия *жертва и событие* – с кластером катастроф 3 (*катастрофа, трагедия, трагическое событие* и пр.). Связь между остальными кластерами слабее (меньше общих ассоциатов), так что мы можем говорить о своеобразном ценностном ядре, ограниченном названными семантическими блоками. Тем не менее через образовательную тематику историко-культурный кластер связан с семейно-здравоохранительным (№ 7), где такие категории, как *семья, мама, родители, дети*, переходят посредством *подростков и школьников* к тематике наркомании, а далее – к перечню содержащихся в том же семантическом блоке заболеваний, от *рака* до *COVID*. Семантическая цепочка *люди – жизнь* также связывает этот кластер с традиционно-маскулинным кластером 1.

Остальные крупные кластеры изолированы от ядра, т. е. связанные с ними списки ассоциатов не пересекаются ни с семантическими блоками ядра, ни друг с другом. Это политико-электоральный кластер 8 (*демократия, выборы, партии* и т. д.), полицейский кластер 10 (*убийство, расследование, уголовное дело, преступление, приговор* и т. д.), инновационно-технологический кластер 11 (*инновации, новые технологии, разработка, проект, концепция* и пр.) и спор-

тивный кластер 13 (*спорт, соревнования, здоровый образ жизни, олимпийские игры* и пр.). Из мелких кластеров, содержащих небольшое количество ассоциатов (на рисунке не пронумерованы), можно отметить два, относящихся к экономике, но не связанных друг с другом (*работа – прибыль – зарплата, и темпы роста – хорошие показатели*).

На наш взгляд, выявленные таким образом семантические блоки характеризуют именно ценностные установки, а не предметно-тематические области, которые в президентском дискурсе, конечно, гораздо более разнообразны. Во-первых, это отчасти обеспечивается использованной методикой: каждый элемент семантической карты является близким ассоциатом какой-либо ценностной категории из расширенных тезаурусов ценностей. Во-вторых, качественная интерпретация содержания всех кластеров позволяет увидеть, что каждый элемент или явно содержит в себе оценочное суждение (*трагедия, героизм, гордость*), либо непосредственно связан с какой-либо ценностью или антиценностью из стартовых списков (*здоровье, доход, преступление* и т. д.).

Промежуточные выводы на данном этапе исследования очевидны. Речь идёт о системе ценностей с преимущественно консервативным ядром, ориентированным на героизацию прошлого и характерных для него установок и достижений с заметной долей религиозности. Это совпадает и с наблюдениями многих других исследователей [15]. В ней почти не представлены материальные и гедонистические ценности, но существенное место занимают угрозы, несчастья и болезни, разумеется, как антиценности, однако существенные для проецируемой президентским дискурсом картины мира в целом. Ядро характеризуется значительной монологичностью и унитарностью: оно ориентировано на ценности объединяющего или унифицирующего характера (*патриотизм, дружба, священный, духовный* и пр.), тогда как взаимодействие, учитывающее различия, делегировано во внешний мир, будь то конфликт (*враг, борьба*) или сотрудничество (*партнёры, совместная работа*). В значительной степени такая тематизация может быть объяснена спецификой президентских полномочий, однако наличие заметных ценностных кластеров, затрагивающих инновационные разработки, уголовные

преследования и спортивную жизнь, не являющихся специфично президентскими, показывает, что, если такой фактор и присутствует, он не является ни единственным, ни решающим. Ценности проспективного характера, будь то *инновации*, *близкое будущее*, *темпы роста* или *демократия*, не связаны с ядром или друг с другом устойчивыми ассоциатами и, с этой точки зрения, не интегрированы в базовую ценностную систему.

Обработка модели, основанной на НКРЯ, с помощью тех же тезауросов и ограничений, что и в отношении президентского дискурса, позволяет построить карту, отражающую структуру русского ценностно-семантического пространства в том виде, в каком оно представлено в НКРЯ (рисунок 2). Как и в случае с президентской моделью, мы произвольно пронумеровали наиболее крупные кластеры для простоты и наглядности сравнительного анализа.

Прежде всего, сравнение показывает наличие сходных семантических кластеров: кластер *му-*

жество – благородство (№ 2 на семантической карте НКРЯ), в значительной степени соответствует кластеру № 1 президентского дискурса, кластер *горе – беда* (№ 3 в НКРЯ), соответствует № 3 (катастрофы) у Президента РФ, религиозный кластер (№ 1 в НКРЯ), в значительной степени соответствует традиционалистскому кластеру № 1 в президентском дискурсе, кластер болезней (№ 9 в НКРЯ, № 7 у Президента РФ) и кластер преступлений (№ 11 в НКРЯ, № 10 в президентском корпусе). Как и в случае с моделью, основанной на президентских выступлениях, в модели НКРЯ существует семантическое ядро, состоящее из тесно связанных кластеров 1–8 и 12: религиозно-философские ассоциаты (1), личностные качества (2), эмоциональные состояния и их проявления (3–8, 12).

Различия, однако, гораздо более существенны. Ценностно-семантическое ядро, выявленное в модели НКРЯ, представляет собой лексику, преимущественно отсылающие к эмоцио-

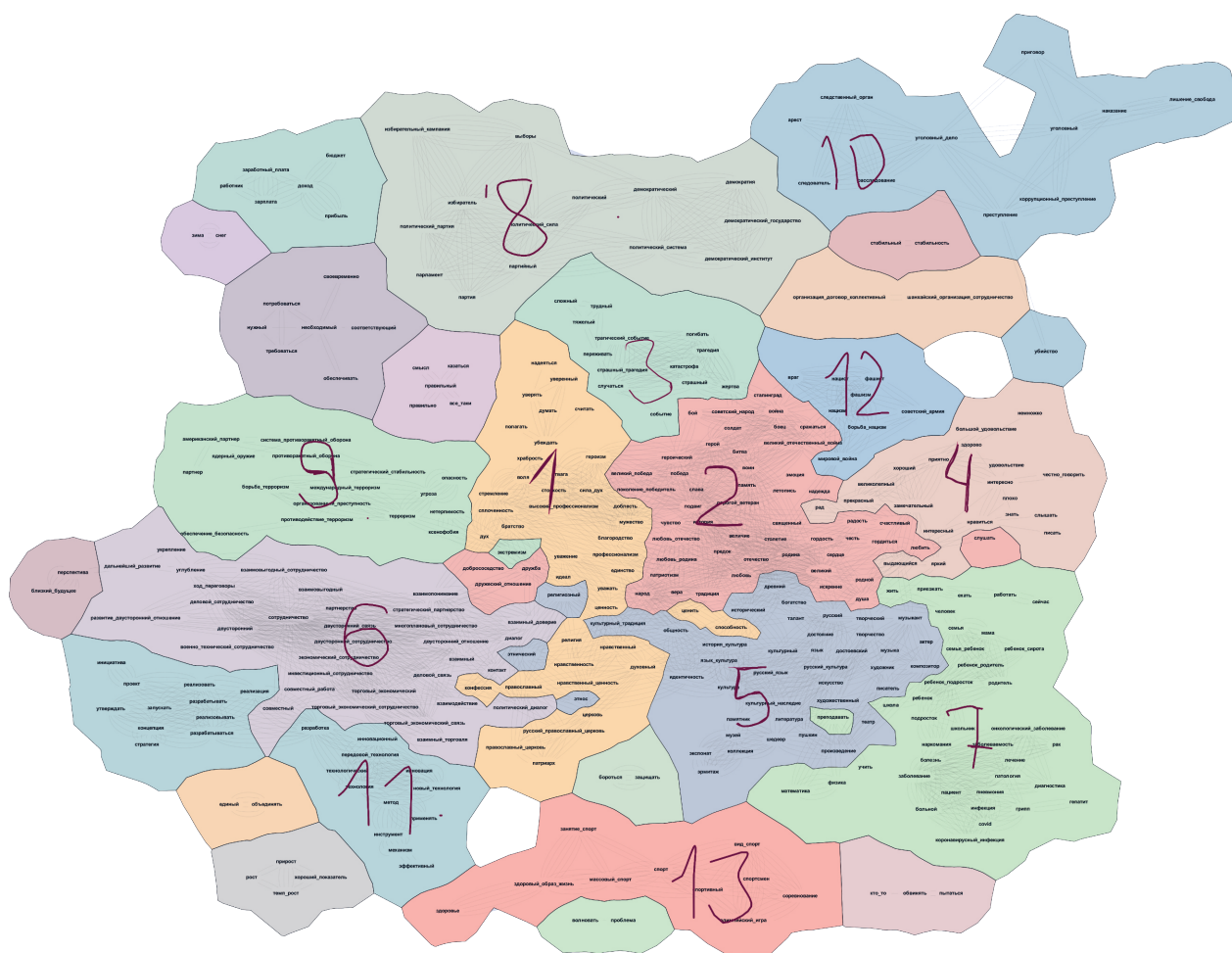

Рис. 1. Ценностно-семантическая карта президентского дискурса
Fig. 1. Value-semantic map of presidential discourse

нальным состояниям (*ярость, ужас, смех, скорбь, изумление* и пр.). Напротив, в президентском корпусе эмоциональные состояния почти не представлены. Вероятно, здесь можно говорить о своего рода институциональном сдвиге: ввиду тематики и контекста президентских выступлений, ассоциатами к тем или иным ценностям выступают не индивидуальные человеческие реакции, а социальные абстракции, несущие часто ту же ценностную нагрузку. Можно сравнить, например, пары *ужас – трагедия, страх – угроза, ненависть – ксенофобия, смеяться – радоваться* (первые элементы пар – из НКРЯ, вторые – из президентского корпуса). С этим же институциональным настроением можно связать наличие в дискурсе Президента РФ ценностно окрашенных упоминаний о собственно социальных институтах, событиях либо процессах (*терроризм, международное сотрудничество, русская культура, великая отечественная война*

и пр.), отсутствующих в самых частотных ассоциатах из НКРЯ.

Однако семантический сдвиг, формируемый президентским дискурсом по отношению к модели НКРЯ, не ограничивается институциональной окраской высказываний. Мы проанализировали списки ассоциатов к одним и тем же лексическим маркерам, отражающим различные ценности, по нескольким параметрам: а) максимальная преемственность (ассоциаты к данной лексеме, присутствующие и в НКРЯ, и в президентском дискурсе)¹², б) максимальный разрыв с сохранением общих оснований (различия в ассоциатах к одной и той же лексеме в разных моделях, т. е. смена интерпретации или, шире, смена значения ценностного маркера)¹³, в) разрыв преемственности (ценности, представленные через

¹² Не менее двух совпадений в каждом случае.

¹³ Учитывались лишь случаи, когда между ассоциатами к одному и тому же маркеру в разных моделях нет ни одного совпадения.

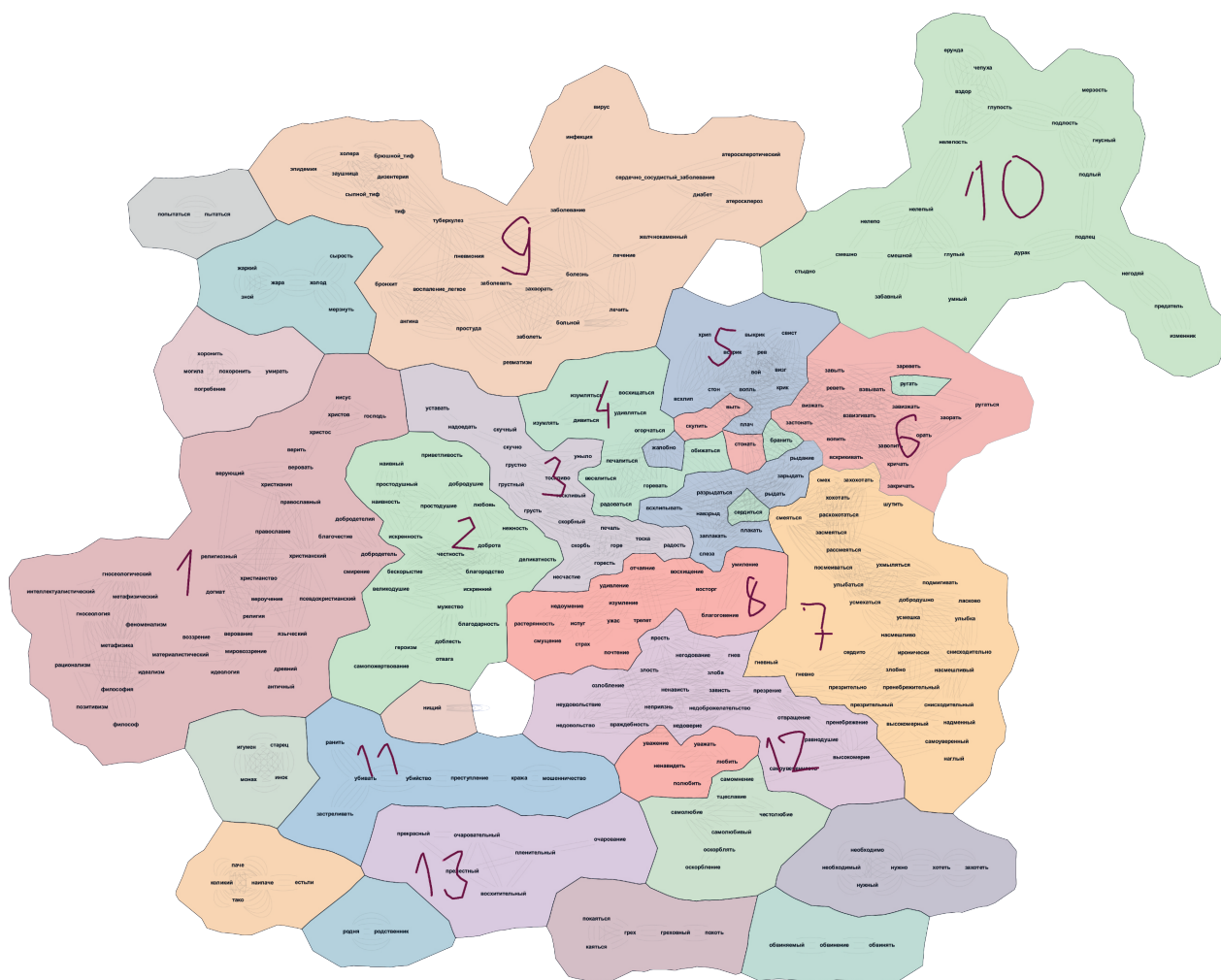

Рис. 2. Ценностно-семантическая карта Национального корпуса русского языка

Fig. 2. Value-semantic map of the National Corpus of the Russian Language

лексические маркеры, и ассоциаты к ним из стартовых тезаурусов в одной модели, но отсутствующие в другой или не прошедшие частотный фильтр).

Пословный анализ ценностно-семантической преемственности, в целом, подтверждает выводы предыдущего этапа исследования: лексика Президента сохраняет присутствующие в русском семантическом пространстве устойчивые ассоциации, затрагивающие смерть и болезни, христианство (преимущественно православие, но без детализации христианских ценностей) и героизм. В меньшей степени (меньшее количество ассоциатов и синонимов) представлены такие ценности, как *стабильность, уважение, родина, счастье и радость, прибыль*.

Семантические сдвиги при сохранении общих лексических маркеров оказываются несколько более информативными. Во-первых, некоторые ценностные категории существенно меняют свой смысл: *благородство* из общечеловеческого проявления доброты (НКРЯ) трансформируется в президентском дискурсе в военную доблесть, а *гордость* из осуждаемого качества, родственного хвастовству и зависти (НКРЯ), превращается в положительную ценность. Во-вторых, многие ценности обретают в президентском дискурсе приземлённый и прагматический характер: из всего возможного многообразия ассоциатов к *методологии* в президентском дискурсе устойчива лишь *методика, теоретическое* сводится к *прикладному*, а *почитание* – к дани уважения ветеранам Великой Отечественной войны. К этой же группе можно добавить сдвиг временной границы, определяющей *древность*: если для русского семантического пространства, в целом, этот термин отсылает к античности и Древнему Востоку, то в президентском дискурсе прагматизированно приближенная древность ограничивается русским средневековьем или XVIII веком. В целом, президентский дискурс более прагматичен и операционален. В-третьих, многие ценностные лексические маркеры имеют в президентской речи гораздо более дифференцированные и детализированные ассоциации, чем в НКРЯ: это касается планирования, уже упоминавшейся военной гордости и традиции, которая из нейтрального явления становится, безусловно, положительным. Такое разнообразие ассоциатов, разумеется, говорит о большем значении соот-

ветствующих тем в президентском корпусе, чем в русском ценностно-семантическом пространстве в целом.

Лексемы, относящиеся к последней группе, – слова-маркеры, присутствующие или в модели президентского дискурса, или в НКРЯ, но не в обеих моделях одновременно (с учётом частотного порога), – дают ещё более богатый материал для сопоставлений. Прежде всего, необходимо учитывать, что большее лексическое разнообразие и больший объём НКРЯ неизбежно порождают многочисленные синонимы, которые отражают богатство русской литературной и повседневной речи, но отсутствуют в президентских высказываниях. Те из них, которые встраиваются в указанные выше паттерны (ценностно-семантическая преемственность, совпадение семантических кластеров), вряд ли заслуживают специального внимания как в силу малой информативности, так и из-за невозможности в рамках используемой методологии обоснованно различить принципиальные ценностные коннотации и простое расширение/сужение тезауруса, связанное с разным объёмом корпусов и жанрово-стилистическими особенностями.

Вместе с тем значительная часть несовпадающих маркеров формирует вполне обособленные ценностно-семантические кластеры, выявляемые, в данном случае, уже средствами качественного анализа: мы учитывали не только лексемы, попавшие в итоговые таблицы, но и их возможные близкие синонимы. Во-первых, это христианские ценности и антиценности как таковые, широко представленные в НКРЯ, но отсутствующие в модели президентских высказываний: *корысть* и *нестыжательство* (*корыстный, корысть, алчность, бескорыстие, жадно, жадность, жадный, корыстолюбие, скупость, скаредность, сребролюбие, щедрость, богато, богач, небогатый, скупость*), *правда* и *ложь* (*истина, недоверие, подлог, вероломство, вранье, врать, измена, изменник, истинность, лживый, лицемерный, ложность, навать, неправда, неправильность, обман, обманщик, обманывать, правдиво, правдивость, правдивый, предатель, предательство, присяга, притворство, прямота, соврать, солгать, фальшивый, фальшь*), однако в модели президентского дискурса присутствует частотный маркер *истинный*), *уныние* и *рвение* (*апатия, безразличие, вялость, возмущение, грусть, депрессия, лень, мелан-*

холия, нерадение, отчаяние, пессимизм, печаль, равнодушие, рвение, ревностия, ревностный, скука, тоска, уныние, усердие, усердный, грустить, одерживать, одолевать), похоть и воздержание (блуд, ветреность, воздержание, непорочность, плотский, похоть, прелюбодеяние, разврат, распутство, сластолюбие, стыд, стыдливость, целомудренный, целомудрие, бесстыдный), гнев и смирение (аскетизм, бешенство, высокомерие, гнев, гневный, гордыня, кротость, озлобление, покаяние, покорность, раздражение, сдержанность, смирение, смиренномудрие, смиренный, ярость, сердиться, раздражать, однако в президентской модели присутствует терпение). Кроме того, в семантической модели президентских высказываний отсутствуют маркеры и ассоциаты, связанные с грехом, греховностью, воздаянием, покаянием, спасением. На данном этапе это даёт основания говорить, что христианский уклон в президентском дискурсе является довольно поверхностным: регулярные отсылки к христианству вообще, к православию в частности и к религиозной вере в целом не сопровождаются ни статистически значимым упоминанием ключевых для данной конфессии ценностей, ни их ассоциированием с важными для главы государства темами и ценностными маркерами.

Во-вторых, в модели президентского дискурса отсутствует значимое отражение одной из «народных» ценностных антиномий, широко представленной в НКРЯ: ум и глупость (*благоразумие, благоразумный, невежество, невнимание, непонимание, болван, глупец, глупо, глупость, глупый, дура, дурак, дурацкий, дурачиться, дурачок, дурень, душевнобольной, идиот, идиотский, кретин, мудрец, неглупый, начитанный, нелепость, нелепый, неумный, образованный, придурок, разум, рассудок, смыслённый*). Это различие лишь в очень небольшой степени сглаживается присутствием в президентской модели достаточно нейтрального знания.

Ещё одно заметное зияние, характерное для президентского дискурса, – отсутствие когнатов, связанных с тем, что можно обозначить как *самость* (в НКРЯ это такие лексемы, как *самоопределение, самоорганизация, самостоятельность, обособление, обособленность, самодовольство, самолюбие, сомнение, самоотверженность, самоотречение, себялюбие, самонадеянность, самонадеянный, самоорганизация,*

самопознание). Это достаточно разнородные ассоциаты, связанные либо с христианскими антиценностями (*себялюбие*), либо с ценностью автономизма и самостоятельности из идеологического тезауруса. В президентской модели к этому семантическому кластеру примыкает разве что *самореализация* и по формальному признаку общего корня клишированная формула *местное самоуправление*.

В свою очередь в президентской ценностно-семантической сфере формируется вполне целостный и внутренне связный смысловой кластер, совершенно не представленный в НКРЯ: это взаимодействие, учитывающее различия (*взаимопонимание, взаимоуважение, совместный* – модель НКРЯ содержит лишь отчасти связанную с этим блоком лексику *компромиссный*). Выше мы уже отмечали, что всё это взаимодействие делегировано Президентом во внешнеполитическую сферу: устойчивые ассоциаты связывают её исключительно с зарубежными партнёрами, другими странами и международными организациями; в отношении внутренней политики эти когнаты не используются. Столь же заметным оказывается отсутствие в модели НКРЯ таких лексических маркеров и ассоциатов к ним, как *воля, свобода, справедливость*, тогда как в президентской модели они присутствуют вполне уверенно. Все эти лексемы связаны с идеологическим тезаурусом, отражая соответственно индивидуалистические и умеренно-коллективистские ценности.

Напротив, в отношении унитарных ценностей (*единый, общий* – президентская модель; *нераздельный, совокупность, целостный, цельность* – НКРЯ) наблюдается значительное синонимическое сходство, несмотря на отсутствие буквальных совпадений. Точно такая же синонимия позволяет говорить о равной или сопоставимой представленности в обеих моделях значительной части «народных» ценностей (см. выше), консервативных ценностей (*традиция* и ассоциаты) и постмодернистских/консюмеристских ценностей (*безопасность, доступность, надёжный, обеспеченность, самореализация, удобно, досуг* – в президентской модели; *осмотрительность, безопасно, комфорт, неудобный, неудобство, удобство, уют, уютно, уютный* – в модели НКРЯ). Существенно, что в президентской модели ассоциатом к традиционалистским ценностям регулярно выступает

этноним русский – обособленно либо в составе устойчивых выражений (*русская культура, русский язык* и др.); в модели НКРЯ эта лексема не преодолевает частотного порога. Иными словами, для общезыковой модели традиционность не является типично и преимущественно русской чертой, а для президентского дискурса является. *Русский* – не единственный этноним, встречающийся в президентском дискурсе: кроме него в сходном контексте упоминается советский, и с высокой частотностью американский, тогда как в модели НКРЯ ценностно нагруженные этнонимы на анализируемом уровне не представлены вовсе.

■ ВЫВОДЫ

Ядро ценностной системы, транслируемой президентским дискурсом, может быть охарактеризовано как религиозно ориентированный, маскулинный, милитаризованный консерватизм. Присутствующие там же ценностные маркеры, относящиеся к экономическому развитию, технологиям, политическим институтам, не связаны с ядром и присутствуют, скорее, в качестве изолированных фрагментов. К этому ядру примыкает ряд когнатов, концентрирующихся на антиценностях *бедствий* и *невзгод*, которые дополняют общую ценностную картину мира. В то же время президентская власть остаётся «единственным европейцем», с точки зрения внимания к развитию, технологиям и прогрессу [16]: в общерусском семантическом пространстве эти ценности не играют существенной роли, как и важные для президентской власти спорт и здоровый образ жизни. То же самое касается отношений с внешним миром: для него у пре-

зидентской власти заготовлены взаимопонимание и сотрудничество, несущественные для русской языковой картины мира в целом, так же, как и сверхважное ценностное отграничение *русского* и *советского* от остального мира. Президентский дискурс гораздо менее эмоционален, но более формализован и институционализирован, чем массовое сознание, что вполне ожидаемо. Если рассматривать президентский дискурс как своего рода выборку из общероссийских ценностных установок, то она явно смещена в сторону институционального действия. В то же время целый ряд ценностей, значимых в русском ценностно-семантическом пространстве, в ценностных установках президентской власти отсутствует: это дихотомии ума и глупости, правды и лжи, самостоятельности и обособленности отдельных людей или групп.

Однако сравнение ценностных установок президентской власти и общекультурной ценностной модели русского общества даёт основания для их сближения: это тот якорь, который удерживает их рядом. Прежде всего, речь идёт об общем для обеих систем религиозно окрашенном традиционализме (притом что в президентском дискурсе традиционализм почти сводится к военному героизму, а религиозность игнорирует ключевые христианские ценности). Затем эта общая для обеих систем сфокусированность на несчастиях, катастрофах и связанных с ними угрозах. С этой точки зрения, можно говорить о том, что президентская власть позиционирует себя как модернизационный милитаризованный (но и договороспособный) инструмент, опирающийся на страхи традиционалистского общества. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Журавлева Н. А. Психология социальных изменений: ценностный подход : монография. Москва : Институт психологии РАН, 2013. 524 с. EDN SJNRRP.
2. Галицкая К. А. Политика национальной памяти как технология легитимации власти // *Дискурс-Пи*. 2021. Т. 18, № 1 (42). С. 48–61. DOI 10.24412/1817-9568-2021-1-48-61. EDN ZDOZJJ.
3. Масленникова С. В., Матвеева М. В. Традиционные семейные ценности: конституционно-правовая интерпретация // *Конституционное и муниципальное право*. 2020. № 12. С. 23–29. DOI 10.18572/1812-3767-2020-12-23-29. EDN SSDDGL.
4. Ковозева И. М., Шарнин М. М., Сомин Н. В., Тищенко А. С., Маслак А. А. Понятия добра и зла в рамках нейросетевого подхода // *Русский лингвистический бюллетень*. 2022. № 8 (36). DOI 10.18454/RULB.2022.36.6. EDN GRNLKG.
5. Синицына А. О. Проблема определения и классификации ценностей: отечественный и зарубежный опыт // *Педагогическое образование и наука*. 2017. № 3. С. 100–105. EDN ZKATWX.
6. Inglehart, R., & Welzel, C. (2001). *Modernization, Cultural Change, and Democracy*. Cam-

bridge University Press. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511790881>.

7. БАЙРАМОВА А. К. Отражение во фразеологическом словаре ценностей и антиценностей // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2009. № 4 (26). С. 136–140. EDN JZFFMI.

8. МАРТЯНОВ В. С., ВАХРУШЕВА Е. А., КИСЕЛЕВ К. В., ИЛЬЧЕНКО М. С., ПАНКЕВИЧ Н. В., СТАРЦЕВ Я. Ю., ФАН И. Б., ФИШМАН А. Г. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ : монография. Москва : Издательство «Политическая энциклопедия», 2016. 334 с. EDN WMVPAJ.

9. МАКАРЕВИЧ Э. Ф., КАРПУХИН О. И. Культура информационного общества: противостояние традиций и постмодерна // *Горизонты гуманитарного знания*. 2020. № 3. С. 12–20. DOI 10.17805/ggz.2020.3.2. EDN QZPPLK.

10. ЖУРАВЛЕВА Н. А. Ценностные ориентации личности в изменяющемся российском обществе // *Психологический журнал*. 2012. Т. 33, № 1. С. 30–39. EDN OUWQIJ.

11. ŘENŮŘEK, R., & SOJKA, P. (2010). Software Framework for Topic Modelling with Large Corpora. In *LREC 2010 Workshop on New Challenges for NLP Frameworks* (pp. 45–50). ELRA. <https://doi.org/10.13140/2.1.2393.1847>.

12. KUTUZOV, A., & KUZMENKO, E. (2017). Web-Vectors: A Toolkit for Building Web Interfaces for Vector Semantic Models. In D. I. Ignatov, M. Yu. Khachay, V. G. Labunets, N. Loukachevitch, S. I. Nikolenko, A. Panchenko, A. V. Savchenko, & K. Vorontsov

(Eds.), *Analysis of Images, Social Networks and Texts. AIST 2016. Communications in Computer and Information Science* (pp. 155–161). Springer Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-52920-2_15.

13. ELLSON, J., GANSNER, E. R., KOUTSOFIOS, E., NORTH, S. C., & WOODHULL, G. (2004). Graphviz and Dynagraph — Static and Dynamic Graph Drawing Tools. In M. Jünger, & P. Mutzel (Eds.), *Graph Drawing Software. Mathematics and Visualization*. Springer Berlin Heidelberg. https://doi.org/10.1007/978-3-642-18638-7_6.

14. СТАРЦЕВ Я. Ю. Политическая система в зеркале дискурса: опыт реконструкции логики президентских посланий // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2007. Т. 3, № 1. С. 175–190. EDN KNPOPH.

15. Пашков В. В. Становление системы ценностей России XXI в. // *Текст в языковом, историческом, культурном пространстве* : сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции (Москва, 22 мая 2022 г.) / под ред. В. В. Никульцевой. Москва : Московский финансово-юридический университет, 2023. С. 215–224. EDN XDMGKI.

16. ЗУБАРЕВ А. А., СЛИНЬКО А. А. Роль и значение посланий Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации на современном этапе развития // *Теории и проблемы политических исследований*. 2023. Т. 12, № 1-1. С. 11–18. DOI 10.34670/AR.2023.32.73.002. EDN IOQTAC.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Старцев Ярослав Юрьевич – кандидат политических наук, доцент; Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук — *старший научный сотрудник* (620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16); startsev-yay@ranepa.ru. AuthorID: 442571, ORCID: 0000-0002-8660-9401, ScopusID: 57192751307, ResearcherID: A-5057-2013.

Статья поступила 20.06.2023; рецензия получена 03.07.2023; принята к публикации 03.07.2023.

VALUE ATTITUDES OF PRESIDENTIAL POWER: DISTRIBUTIVE-SEMANTIC ANALYSIS

Ya. Yu. Startsev^a

^a Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(Ekaterinburg, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. The value attitudes of state power and officials are crucially important both in the formation of state policy and its legitimation. The purpose of the article is to analyze the value orientations of the presidential power in Russia in the form they are provided in public statements of the RF President.

Materials and methods. The research refers to the corpus of speeches of the President of the Russian Federation in the period from 2000 to 2020, published on the official presidential website. On this basis, a vector distributive-semantic model is formed, allowing for a comprehensive analysis of various aspects of the presidential public discourse, including its value structure. For this, a basic value thesaurus is developed, covering four value groups: "folk", ideological, Christian and consumerist. Each thesaurus is expanded through the closest associates revealed by publicly available vector models of the Russian-language corpora. Subsequent clustering enables forming a value representations structure based on the collocations frequency of associates of the first, second, and third orders. The application of the same procedures to a publicly available vector model based on the National Corpus of the Russian Language makes it possible to compare the specifics of the presidential discourse with the general Russian value-semantic area.

Results. Through the analysis 13 value-semantic clusters, structuring the presidential discourse, were identified, which form a conservative militarized and religiously oriented core, focused mainly on the anti-values of misfortunes and threats, and isolated clusters associated with progressive and modernization values, as well as values of cooperation - largely referring to foreign partners.

Discussion. The comparison of the value-semantic structure of the presidential discourse with the model data, based on the National Corpus of the Russian Language, made it possible to draw conclusions about the significant similar, and even common features, of a part of the value-semantic clusters (traditionalism, Christian religious commitment, focus on misfortunes and threats), as well as noticeable differences, primarily in relation to emotional content of values, content depth and value dichotomies of cleverness / stupidity and truth / lies.

KEYWORDS: presidential power, values, axiology, president of the Russian Federation, distributive semantics, political values, political discourse.

FOR CITATION: Startsev, Ya. Yu. (2023). Value attitudes of presidential power: distributive-semantic analysis. *Management Issues*, 17(4), 5–18. DOI 10.22394/2304-3369-2023-4-5-18.

REFERENCES

1. ZHURAVLEVA, N. A. (2013). *The psychology of social change: A value approach*. Institute of Psychology of RAS. <https://elibrary.ru/sjnrrp>.
2. GALITSKAYA, K. A. (2021). The politics of national memory as a technology of legitimation of the power. *Discourse-P*, 18(1), 48–61. <https://doi.org/10.24412/1817-9568-2021-1-48-61>.
3. MASLENNIKOVA, S. V., & MATVEEVA, M. V. (2020). Traditional family values: The constitutional law interpretation. *Constitutional and Municipal Law*, (12), 23–29. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-12-23-29>.
4. KOBOZEVA, I. M., SHARNIN, M. M., SOMIN, N. V., TISHCHENKO, A. S., & MASLAK, A. A. (2022). Concepts of good and evil in a neural network approach. *Russian Linguistic Bulletin*, (8), Article 19. <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.36.6>.
5. SINITSYNA, A. O. (2017). The problem of value definition and classification: Russian and foreign

experience. *Pedagogical Education and Science*, (3), 100–105. <https://elibrary.ru/zkatwx>.

6. INGLEHART, R., & WELZEL, C. (2001). *Modernization, Cultural Change, and Democracy*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511790881>.

7. BAYRAMOVA, L. K. (2009). Values and anti-values in a phraseological dictionary. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, (4), 136–140. <https://elibrary.ru/jzffmi>.

8. MARTYANOV, V. S., VAKHRUSHEVA, E. A., KISELEV, K. V., ILCHENKO, M. S., PANKEVICH, N. V., STARTSEV, YA. YU., FAN, I. B., & FISHMAN, L. G. (2016). *Russia in search of ideologies: Transformation of the value regulators of modern societies*. Publishing house “Political Encyclopedia”. <https://elibrary.ru/wmvpa>.

9. MAKAREVICH, E. F., & KARPUKHIN, O. I. (2020). Culture of the information society: The opposition between traditions and postmodernity. *The Horizons of Humanities Knowledge*, (3), 12–20. <https://doi.org/10.17805/ggz.2020.3.2>.

10. ZHURAVLEVA, N. A. (2012). Persons value orientations in changing Russian society. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 33(1), 30–39. <https://elibrary.ru/ouwqij>.

11. ŘEHŮŘEK, R., & SOJKA, P. (2010). Software Framework for Topic Modelling with Large Corpora. In *LREC 2010 Workshop on New Challenges for NLP Frameworks* (pp. 45–50). ELRA. <https://doi.org/10.13140/2.1.2393.1847>.

12. KUTUZOV, A., & KUZMENKO, E. (2017). Web-

Vectors: A Toolkit for Building Web Interfaces for Vector Semantic Models. In D. I. Ignatov, M. Yu. Khachay, V. G. Labunets, N. Loukachevitch, S. I. Nikolenko, A. Panchenko, A. V. Savchenko, & K. Vorontsov (Eds.), *Analysis of Images, Social Networks and Texts. AIST 2016. Communications in Computer and Information Science* (pp. 155–161). Springer Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-52920-2_15.

13. ELLSON, J., GANSNER, E. R., KOUTSOFIOS, E., NORTH, S. C., & WOODHULL, G. (2004). Graphviz and Dynagraph — Static and Dynamic Graph Drawing Tools. In M. Jünger, & P. Mutzel (Eds.), *Graph Drawing Software. Mathematics and Visualization*. Springer Berlin Heidelberg. https://doi.org/10.1007/978-3-642-18638-7_6.

14. STARTSEV, YA. YU. (2007). Political system in discourse reflection: Experience of reconstruction of logic of presidential messages. *Political Expertise: Politex*, 3(1), 175–190. <https://elibrary.ru/knpoph>.

15. PASHKOV, V. V. (2023). The shaping Russia system of values of the XXI century. In V. V. Nikultseva (Ed.) *Text In Linguistic, Historical, and Cultural Space* (pp. 215–224). Moscow Finance and Law University. <https://elibrary.ru/xdmgki>.

16. SLINKO, A. A. (2023). The role and significance of the messages of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation at the present stage of development. *Theories and Problems of Political Research*, 12(1-1), 11–18. <https://doi.org/10.34670/AR.2023.32.73.002>.

AUTHORS' INFORMATION:

Yaroslav Yu. Startsev – Ph.D. of Political Sciences, Associate Professor; Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences — *senior researcher* (16, S. Kovalevskaya St., Ekaterinburg, 620990, Russia); startsev-yay@ranepa.ru. RSCI AuthorID: 442571, ORCID: 0000-0002-8660-9401, ScopusID: 57192751307, ResearcherID: A-5057-2013.

The article was submitted 06/20/2023; reviewed 07/03/2023; accepted for publication 07/03/2023.